I.

О ПРЕИМУЩЕСТВЕННОМЪ
ЗНАЧЕНІИ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ
ПРЕДЪ ДРУГИМИ
ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ДРЕВНОСТЯМЪ РУССКИМЪ.

Д. И. ПРОЗОРОВСКАГО.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Археологіи классической, византійской и западно-европейской, 28 декабря 1870 г.)

Отдѣленіе классической, византійской и западной археологіи существуетъ, конечно, не съ одною исключительною цѣлью — трудиться надъ разработкою древностей классическаго, византійскаго и западнаго міра. Хотя предметъ этотъ, въ общемъ смыслѣ просвѣщенія, весьма важенъ и достаточно обширенъ для того, чтобы занять вниманіе русскихъ археологовъ, но онъ уже въ значительной степени разработанъ западными учеными, облегчившими путь русскимъ ученымъ. Отдѣленіе составляетъ часть Русскаго Археологическаго Общества, которое, какъ говоритъ уставъ, имѣетъ предметомъ своихъ занятій изслѣдованіе древности и старины „преимущественно" отечественной, и — уже затѣмъ — распространеніе въ Россіи археологическихъ свѣдѣній вообще. Поэтому Отдѣленіе, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ посвящать свои труды и въ пользу русскихъ древностей, не опасаясь уклониться на этомъ поприщѣ отъ прямаго своего назначенія, потому что въ предѣлахъ Русскаго государства собственно русскія древности сталкиваются съ древностями классическаго и западнаго міра. Первыя даже нуждаются въ содѣйствіи со стороны Отдѣленія, а какое именно содѣйствіе имъ необходимо, постараюсь выразить это въ очеркѣ источниковъ русской археологіи; но предварительно попытаюсь распредѣлить памятники по ихъ значенію.

Въ предѣлахъ Русской земли и Русскаго государства не всѣ памятники русскіе. Здѣсь нѣкогда жили племена, или изчезнувшія до разселенія русскаго народа, или поглощенныя этимъ народомъ, и доселѣ живутъ племена, чуждыя намъ по происхожденію. Памятники, свидѣтельствующіе о быломъ существованіи первыхъ, а также принадлежащіе послѣднимъ, составляютъ отдѣлъ, такъ сказать, *памятниковъ земли*, какъ служащихъ выраженіемъ дѣятельности не-русскаго духа и подлежащихъ изслѣдованію для уясненія исторіи мѣстностей; такъ напримѣръ, археологическія розысканія въ Крыму ведутъ къ обширнымъ соображеніямъ о народахъ, обладавшихъ этою страною и объ отношеніяхъ ихъ къ Руси въ данные періоды; изъ памятниковъ этого рода греческіе принадлежатъ къ области классической, а татарскіе — восточной археологіи. Собственно русскіе памятники суть тѣ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ русскому народу и свидѣтельствуютъ о развитіи русской народности; ихъ можно назвать *памятниками народа*. Развитіе народности не останавливается и тогда, когда народъ облекается въ форму государства, но бытъ его становится сложнѣе по степени потребностей и условій государственной жизни, которая однако же, какъ система, проникаетъ всѣ части быта однимъ духомъ, потому что она сама не можетъ строиться иначе, какъ на началѣ единства; представителемъ народнаго настроенія, народной самодѣятельности, народныхъ убѣжденій дѣлается правительство, подъ вліяніемъ котораго формируется бытъ гражданскій, съ соотвѣтственными его условіямъ проявленіями. Такъ какъ гражданскія формы смѣняются однѣ другими, по требованію времени и обстоятельствъ, то выходящія изъ употребленія дѣлаются достояніемъ исторіи, а ихъ проявленія — памятниками,

составляющими отдѣлъ *памятниковъ государства.* Послѣдніе, какъ само собою разумѣется, тѣсно связаны съ древностями народа и земли; напримѣръ, вещественныя принадлежности религіи, а также монета суть памятники государства и народа; сооруженія, возведенныя чуждыми племенами подъ покровительствомъ правительства, а также возведенныя правительствомъ въ поселеніяхъ чуждыхъ племенъ для пользы послѣднихъ, суть памятники государства и земли. Итакъ русскія древности состоятъ изъ памятниковъ народа и государства. Ихъ можно еще раздѣлить на пять періодовъ: одни относятся ко времени до образованія государства; другіе современны правленію языческихъ государей; третьи явились по принятіи народомъ христіанской вѣры; четвертые суть послѣдствія вліянія татаръ на правителей русскихъ областей, а чрезъ нихъ и на народъ; пятые произошли изъ ближайшаго знакомства русскихъ съ западомъ. Распредѣленіе такимъ образомъ памятниковъ русскихъ древностей указываетъ точки соприкосновенія ихъ съ памятниками древностей чужеземныхъ, и какъ на приведеніе въ извѣстность и сохраненіе туземныхъ памятниковъ уже обращено должное вниманіе, то нынѣ предлежитъ вопросъ: какіе изъ чужеземныхъ памятниковъ стоятъ на первой очереди къ изслѣдованіямъ? Вопросъ этотъ, какъ и источники русской археологіи, объясняется исторіею Славянъ вообще и Руси въ особенности. Мой взглядъ въ этомъ отношеніи слѣдующій.

Славянскія племена жили нѣкогда одною общею жизнію, различаясь только нѣкоторыми чертами быта; различія, происходившія изъ родовыхъ преданій, на которыхъ основывались мѣстные обычаи, не нарушали народнаго единства. По непреложному закону обстоятельствъ, племена эти не могли всегда оставаться въ одномъ и

томъ же положеніи какъ сами по себѣ, такъ и относительно другъ друга; они достигли наконецъ пункта, съ котораго каждое племя пошло своимъ путемъ, чѣмъ общеславянская жизнь раскололась на части. Стремленіе къ политической самостоятельности, свойственное каждому человѣку и обществу, переходило въ жажду къ преобладанію, обыкновенно возбуждаемую въ народахъ вліятельными личностями и поддерживаемую успѣхами, а отсюда между родственными племенами возникла вражда, усиленная различіемъ настроеній, которыми проникалось каждое племя на своемъ пути. Время и обстоятельства, выдѣляя племена изъ общей массы народа, мало по малу выводили ихъ изъ естественнаго состоянія и окружали условіями, совокупность которыхъ произвела искусственное положеніе, сообразное съ духомъ каждаго племени. Конечно, все это умозрѣнія, неопирающіяся на историческихъ данныхъ, потому что первобытная жизнь Славянъ пока еще скрывается въ мракѣ неизвѣстности, но умозрѣнія, не противорѣчащія естественному ходу вещей, подъ вліяніемъ котораго Славяне могли достигнуть искусственнаго положенія не иначе, какъ имѣя передъ собою образцы. А недостатка въ образцахъ не было: древній міръ былъ упитанъ плодами греческой образованности, перешедшей въ Римъ, а изъ Рима достигшей до западныхъ предѣловъ славянскихъ поселеній, увидѣвшихъ лицомъ къ лицу римскіе легіоны и ознакомившихся какъ чрезъ плѣнниковъ, такъ и чрезъ сношенія съ римскимъ порядкомъ вещей. На другомъ концѣ — въ Македоніи, Эпирѣ, Иллирикѣ — Славяне, еще гораздо ранѣе встрѣчи съ римлянами, находились въ близкихъ сношеніяхъ съ древними Греками, вліяніе которыхъ, хотя въ нѣкоторой степени, должно было дѣйствовать и на внутреннія страны варваровъ, извѣст-

ныхъ Грекамъ подъ разными именами, частію славянскими, частію греческими. Какъ народъ свободный, Славяне были внѣ необходимости мѣнять свои, хотя грубыя, но самородныя формы быта на формы чуждыя, хотя бы то и изящныя, тѣмъ болѣе, что въ глазахъ человѣка, привыкшаго къ простому образу жизни, изящество не имѣетъ никакой цѣны; однакожъ въ виду удобствъ, выработанныхъ цивилизаціею, оня не могли избѣгнуть того, чтобы не усвоить себѣ нѣкоторыя изъ этихъ удобствъ, какія признавались годными для внутренняго быта и внѣшнихъ сношеній. Ежели въ VI вѣкѣ до Р. Х. нашелся между Скиѳами человѣкъ *), сравнявшійся съ греческими философами, то, безъ сомнѣнія, подобное явленіе произошло не вдругъ, а было слѣдствіемъ народнаго знакомства съ Греками, и примѣръ одного племени, произведшаго Анахарсиса, очень можетъ быть примѣненъ къ другимъ племенамъ варваровъ, между которыми, по всей вѣроятности, были хотя не столько славные, какъ Анахарсисъ, но все-таки эллинизированные люди. Итакъ въ славянскомъ бытѣ должны были отпечатлѣться слѣды образованности сперва греческой, а потомъ римской: духъ Эллады не могъ не дѣйствовать на племена южныя, а духъ Рима въ послѣдствіи неизбѣжно поражалъ племена западныя, и такимъ-то именно путемъ вышли изъ естественнаго состоянія эти племена, выработавшія свои настроенія изъ самыхъ продуктовъ ихъ прогресса.

Одно изъ славянскихъ племенъ, получившее въ послѣдствіи имя Руси, занимало мѣста, ближайшія къ племенамъ, которыя находились въ непосредственныхъ связяхъ съ Греками и чрезъ которыхъ греческое вліяніе мо-

*) Анахарсисъ.

гло отчасти распространиться и на это племя. Нельзя думать, чтобы Святославъ безъ всякаго историческаго основанія называлъ Переяславецъ-дунайскій срединою своей земли, хотя самъ же говорилъ, что оттуда „русска земля далеча“; въ его притязаніяхъ на Переяславецъ видны преданія отдаленныхъ временъ, когда мѣстность эта дѣйствительно была центромъ сношеній какъ между славянскими племенами, такъ и сихъ послѣднихъ съ Греками. По изслѣдованіямъ открыто, что русское племя не оставалось въ границахъ своей коренной осѣдлости, но постепенно расширяло свои поселенія, подвигаясь на сѣверъ; линія русскихъ колоній, проходя вдоль границъ западныхъ Славянъ, протянулась до Балтійскаго моря, гдѣ русское племя, поглотивъ на пути племена финскія и нѣкоторыя черты своихъ нравовъ передавъ племенамъ, уцѣлѣвшимъ отъ истребленія, сошлось съ заморскими обитателями сѣвера, уже отпечатлѣвшими въ крайнихъ финскихъ племенахъ свое вліяніе и передавшими ихъ русскому племени съ этими отпечатками. Такъ перемѣшались различные элементы, и Несторъ имѣлъ основаніе утверждать, что „людье Ноугородьци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша Словѣни“, разумѣя не исключительно Варяговъ-Русь, а вообще Варяговъ. Были ли Варяги извѣстны Руси прежде Козаръ, вопросъ не разрѣшенный; но Козары съ глубокой древности были знакомы съ Армянами и Греками; козарская кровь даже смѣшалась съ кровью византійскихъ царей; отсюда надобно заключать, что Козары были довольно пропитаны греческимъ вліяніемъ и вносили его въ порабощаемыя ими русскія поколѣнія, которыя въ свою очередь передавали свои пріобрѣтенія другимъ поколѣніямъ. Какъ Козары могли быть въ нѣкоторой степени проводниками греческой цивилизаціи, такъ Варяги на другомъ концѣ были представителями цивили-

заціи римской, но встрѣча русскихъ съ Варягами послѣдовала тогда, когда первые уже успѣли выработать основы своихъ настроеній въ виду греческой цивилизаціи и достаточно были ограждены отъ возможности увлеченія цивилизаціею запада, и если что́ могли заимствовать, то развѣ нѣкоторыя черты варяжскаго быта, долженствовавшаго отразиться на русскомъ бытѣ и въ слѣдствіе сліянія съ чуждыми племенами сѣвера.

Эпохѣ образованія русскаго государства предшествовало совершенное преобразованіе въ римскомъ мірѣ. Съ раздѣленіемъ Римской имперіи на восточную и западную явились двѣ формы цивилизаціи: латинская и греческая. Первая, укоренившись на западѣ подъ долговременнымъ и сильнымъ вліяніемъ на него Рима, сдѣлалась сущностью новой западной имперіи, сплоченной Карломъ Великимъ изъ различныхъ народностей и основанной на римскихъ преданіяхъ; вліянію этой имперіи подверглись племена западныхъ Славянъ: у однихъ оно погубило народность, другихъ совсѣмъ уничтожило. Средоточіемъ греческой цивилизаціи сдѣлалась Византія, но это была не та эллинская цивилизація, элементы которой, въ болѣе отдаленной древности, составили душу римской цивилизаціи, а та, которая выродившись изъ послѣдней и выразившись въ формахъ, ей только свойственныхъ, получила названіе византійской, по имени имперіи, основанной, какъ и имперія Карла Великаго, на римскихъ преданіяхъ. Не смотря на единство основъ, ихъ значеніе въ обѣихъ имперіяхъ было различно: всемірный Римъ пересталъ существовать какъ фактъ, но въ идеѣ имѣлъ громадное значеніе; западъ усиливался воплотить эту всепожирающую идею въ новыхъ формахъ и въ размѣрахъ не менѣе широкихъ противъ тѣхъ, въ которыхъ выразился древній Римъ въ эпоху наибольшаго

величія; востокъ напротивъ старался ту же идею сберечь въ отвлеченіи, не усиливаясь воплотить ее въ фактъ. На западѣ идея эта, втиснутая въ душу тамошнихъ народовъ могущественною рукою всемірныхъ завоевателей, сохраняла поработительное направленіе, но политическая сила ея исчезла невозвратно, потому что въ гражданскомъ отношеніи она лишилась жизненнаго начала — единства, которое было только призракомъ въ видѣ ново-Римской имперіи, на дѣлѣ же раздробилась на столько черепковъ, сколько государствъ вошло въ составъ имперіи, представлявшей странную совокупность раздѣльныхъ интересовъ. Казалось бы, тутъ и конецъ идеѣ Рима; но нѣтъ, она жила тамъ, гдѣ менѣе всего можно было подозрѣвать ея жизненность: Pontifex Maximus языческаго міра вдругъ возсталъ въ мірѣ христіанскомъ и съ изумительнымъ могуществомъ воплотилъ идею Рима, настойчиво и успѣшно стремясь къ всемірному владычеству; цари смирялись предъ неотразимою силою идеи, народы рабствовали, всемірный Римъ возобновлялся. Иначе римская идея дѣйствовала въ Византіи; къ послѣдней она дошла по праву наслѣдства и скоро утратила свой коренной характеръ: стремленіе къ всемірному владычеству было не по силамъ и не по нраву переродившихся Грековъ, которые, въ замѣнъ того, стали трудиться надъ созиданіемъ государственной замкнутости, отнюдь не стараясь укрѣпить ее духомъ народнаго единства, и не подозрѣвая, что прочность государства обеспечивается только слитіемъ личныхъ интересовъ и убѣжденій въ одну народную, проникнутую однимъ настроеніемъ, личность. Византія гордилась титуломъ Римской имперіи; каждый византіецъ гордился именемъ римлянина — и только; между тѣмъ эти римляне съ греческою закваскою искренно были преданы христіанству въ формахъ православной церковности, ко-

торую имперія съ своей стороны попирала — на дѣлѣ и уважала — на словахъ. Византія — это хаосъ, въ которомъ личныя страсти кружились, бушевали, уничтожали другъ друга и разрушали государство, неимѣвшее опоры въ народномъ духѣ, который обозначался только мертвымъ словомъ: „римлянинъ".

Съ такимъ порядкомъ вещей русскіе встрѣтились въ началѣ своей государственной исторіи. На югѣ уже тогда существовали Кіевъ и Черниговъ, а между тѣмъ изъ лѣтописей не видно, чтобы между южно-русскими поколѣніями происходило какое-нибудь движеніе въ пользу идеи государства. Идея эта родилась на сѣверѣ и тамъ же приведена въ исполненіе; свободный голосъ земли рѣшилъ имѣть надъ нею князя, который бы судилъ народъ по праву. Понятіе о правѣ и самое право, конечно, уже существовало въ народѣ, потребовавшемъ властителя очевидно для огражденія нарушеннаго безъурядицею права. Идеалъ князя, какъ владѣтеля и судьи, едва ли могъ возникнуть въ слѣдствіе наблюденій надъ устройствомъ сѣверныхъ народовъ Европы, представлявшихъ скорѣе образецъ для сана военнаго начальника, съ весьма ограниченнымъ участіемъ въ народномъ судѣ; въ этомъ идеалѣ отразилось скорѣе византійское, чѣмъ западное самодержавіе, потому что въ немъ видѣнъ властитель неограниченный, тогда какъ короли запада находились въ тискахъ у своихъ вассаловъ. За избраніемъ князя народъ обратился за море, преимущественно къ Варягамъ, и именно къ Варягамъ-Руси, а Варяги хорошо знали Византію, нанимаясь въ императорскую службу. Какъ заморскіе выходцы, они явились въ Новгородъ съ своими заморскими обычаями и съ неизбѣжными слѣдами византійскаго отпечатка. Замѣчательно, что возникшее государство тотчасъ устремилось въ Византію, на которую Аскольдъ и Диръ,

отпросившіеся у Рюрика именно въ Царьградъ, сдѣлали первое нападеніе. Олегъ, не смотря на свое заморское происхожденіе, перешелъ на югъ, откуда Русскій народъ разселился до сѣвера; Святославъ считалъ Болгарію своею землею; вообще же каждый изъ первыхъ шести князей сдѣлалъ нападеніе на Восточную имперію. Изъ чего проистекало это влеченіе къ Византіи? Если съ одной стороны служило побужденіемъ къ тому знакомство самихъ Варяговъ съ нею и желаніе добычи, то съ другой стороны нельзя отвергать и того, что поступки русскихъ князей были согласны съ народнымъ убѣжденіемъ, указывавшимъ страну, гдѣ находится „мать градомъ русскимъ". Отсюда слѣдуетъ, что въ русскомъ племени греко-византійскія зерна были крупнѣе западныхъ. Не взирая однакожъ на наклонность русскаго государства развиваться вблизи Византіи и племенъ, уже освоившихся съ византійскимъ порядкомъ вещей, народный характеръ сохранилъ свою самостоятельность; народъ не склонялся нравственно ни къ востоку, ни къ западу, пока государство не сознало недостаточность содержанія въ народномъ бытѣ и пока не явилась потребность въ оживленіи послѣдняго началомъ, способнымъ возбудить дѣятельность народнаго духа. Тогда сталъ на очередь великій вопросъ: въ которую сторону долженъ склониться русскій народъ? Вопросъ этотъ рѣшенъ св. Владиміромъ: онъ принялъ крещеніе отъ Византіи, добывъ новую вѣру мечемъ и войдя въ семью цареградскихъ властителей. Если бы въ нравахъ Руси содержалось болѣе элементовъ западныхъ, то единство стремленій едва ли бы допустило перевѣсъ въ противоположную сторону. Съ принятіемъ христіанства народный и особенно государственный бытъ сталъ постепенно облекаться въ византійскія формы, при содѣйствіи Грековъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ по

вызову и добровольно. На другомъ концѣ русской земли, въ Новѣгородѣ, послѣдствія крещенія отразились не въ такихъ чертахъ; тамъ на первое время они ограничились внутреннимъ складомъ церковности, которой предстояла борьба съ впечатлѣніями, исходившими въ народъ отъ заморскихъ гостей; хотя побѣда была и несомнѣнна, однакожъ не безъусловна: слѣды нѣмецкаго вліянія мы видимъ въ извѣстныхъ корсунскихъ вратахъ и другихъ произведеніяхъ заморскихъ мастеровъ. По всей вѣроятности, византійскіе мастера приготовляли мастеровъ русскихъ; не менѣе вѣроятно и то, что русскіе мастера происходили и отъ мастеровъ заморскихъ.

Вотъ первый періодъ русскихъ древностей. Греко-византійское вліяніе въ немъ старше и сильнѣе западнаго; первое проходило чрезъ все племя отъ границъ Восточной имперіи до Балтійскаго моря, а второе ограничивалось областями Новагорода, Пскова (позднѣе къ нимъ присоединились Полоцкъ и Смоленскъ) и перенесено въ Кіевъ не народомъ; Византія была усвоена сродными Руси Болгарами и чрезъ нихъ сильнѣе дѣйствовала на Русь, особенно со времени перевода священныхъ книгъ на болгарскій языкъ, а западъ оставался по прежнему въ помянутыхъ областяхъ, рѣзко отличавшихся форменнымъ бытомъ отъ внутреннихъ областей Руси; Византія, перейдя изъ Кіева черезъ Владиміръ въ Москву, переработалась на русскій ладъ, а варяжскій западъ изчезъ подъ вліяніемъ новаго порядка вещей. Даже Галицкая Русь, сдавленная въ римскомъ прессѣ, и та постоянно наклонялась къ востоку.

Вмѣстѣ съ вѣрою государство ощутило потребность въ улучшеніи гражданскихъ и бытовыхъ формъ. Это и было началомъ народнаго развитія, которое совершалось въ духѣ византійской церковности, однако же безъ при-

мѣси византійскихъ народныхъ обычаевъ. Татары пріостановили на время ходъ развитія, оставивъ въ нравахъ Руси нѣкоторый отпечатокъ и своего вліянія, но не охладивъ сочувствія Русскихъ къ Византіи и не измѣнивъ русскаго взгляда на западъ: народъ чуждался латыни и нѣмцовъ чуть ли не болѣе, чѣмъ татаръ, склонность же къ Грекамъ съ полною силою выразилась по паденіи Царяграда. Настроеніе это, можетъ быть, значительною долею обязано татарскому игу, поставившему Русскихъ лицомъ къ лицу съ религіею *поганою*, на которой тяготѣло пренебреженіе св. Владиміра и которая въ турецкомъ игѣ наложила на Восточную Имперію еще большее порабощеніе, между тѣмъ какъ Русь вышла изъ-подъ этого ига съ сознаніемъ силы, съ стремленіемъ къ государственному единству, съ жаждою гражданскаго возрастанія. Застой, произведенный татарщиною, можно назвать переломомъ, послѣ котораго возникла новая Русь, въ новомъ устройствѣ, съ новымъ значеніемъ, съ новою наклонностью — войти въ семью государствъ Европы. Въ Москвѣ, удаленной отъ западныхъ границъ и совмѣстившей въ себѣ Византію русскаго передѣла, завелись политическія связи съ западомъ, но отнюдь не въ ущербъ кореннымъ основамъ народнаго быта, тщательно замкнутымъ, до времени, для вторженій духа западной жизни. На этомъ новомъ пути развитія Русскіе дѣйствовали по прежнему своеобразно, до того, что все заимствованное ими принимало туземный характеръ и казалось самороднымъ; уже были русскіе литейщики, оружейники, часовщики, слѣсаря, существовали русскіе переводы нѣкоторыхъ классиковъ, выработывался техническій языкъ, а между тѣмъ иностранцы, посѣщавшіе Россію, оставались при своемъ убѣжденіи въ неподвижности Русскихъ, судя о послѣднихъ по состоянію наукъ и искусствъ на западѣ и не

догадываясь, что самое несовершенство русскихъ знаній есть уже успѣхъ, ведущій къ лучшей будущности. Только въ этомъ незамѣтномъ развитіи угадывается тайна того крутаго, удивительнаго переворота, который совершенъ Петромъ Великимъ столь легко и который, безъ предварительной подготовки, едвали былъ возможенъ.

Такимъ образомъ русскія древности совпадаютъ съ древностями запада и татарскихъ ордъ, съ византійскими же древностями онѣ состоятъ въ кровной связи. Для Русскаго государства и Русской церкви Византія важна по преимуществу, несравненно болѣе, чѣмъ западъ и татары для народа; наши древности христіанскаго періода суть вмѣстѣ и древности византійскія; отъ изслѣдованія послѣднихъ зависитъ объясненіе первыхъ, т. е. обнаруженіе того, что̀ въ нихъ есть византійскаго, общаго съ западомъ по происхожденію отъ Рима, что̀ есть византійскаго, свойственнаго греческому характеру, что пришло къ намъ прямо отъ Грековъ и изъ Византіи, и что̀ принято съ запада, какимъ образомъ все это вмѣшалось въ нашъ бытъ, и затѣмъ уже будетъ видно: что̀ надобно признавать чисто Русскимъ и что заимствованнымъ отъ чуждыхъ народовъ. Итакъ изслѣдованіе византійскихъ древностей по отношенію къ древностямъ русскимъ стоитъ на первой очереди; даже и по отношенію къ западнымъ древностямъ онѣ занимаютъ ту же очередь, потому что византійское вліяніе господствовало въ ремеслахъ и искусствахъ на всемъ западѣ (въ началѣ XII вѣка) и способствовало развитію новгородскаго искусства, достигшаго до замѣчательной степени къ XVI вѣку*). Правда, западные археологи усердно занимаются византійскими древ-

*) Г. Д. Филимоновъ, въ изслѣдованіи объ окладѣ Мстиславова Евангелія.

ностями, но труды ихъ представляютъ ли удовлетворительные результаты въ настоящемъ смыслѣ? Византійскій порядокъ вещей чуждъ нынѣшнему западному человѣку, привыкшему смотрѣть на этотъ порядокъ сквозь призму предзанятыхъ убѣжденій; латинская точка зрѣнія не можетъ показать предмета въ истинномъ его свѣтѣ, отчего археологическіе пункты, связывающіе Византію съ Русью, едвали удобоопредѣлимы по западнымъ изслѣдованіямъ, которыя требуютъ русской повѣрки и пригодятся лишь для соображеній, такъ какъ обмѣнъ мыслей приноситъ наукѣ свою долю пользы. Напротивъ того русскій археологъ живетъ въ византійскомъ порядкѣ вещей, ему наглядно знакомы всѣ подробности этого порядка по русскимъ памятникамъ, въ которыхъ онѣ остаются необъясненными единственно за несличеніемъ съ образцами; онъ имѣетъ преимущество быть въ настоящемъ случаѣ безпристрастнымъ изслѣдователемъ и вполнѣ одаренъ средствами сдѣлать то, что неуловимо для западнаго археолога, чему примѣромъ служитъ объясненіе находящихся на древнемъ византійскомъ складнѣ буквъ: Т К П Г, смыслъ которыхъ, искаженный западными археологами, выясненъ Г. С. Дестунисомъ, доказавшимъ сильное значеніе русскаго участія въ разработкѣ византійскихъ древностей.

На поприщѣ разработки этихъ древностей по отношенію ихъ къ древностямъ русскимъ уже трудятся нѣкоторые ученые, но труды ихъ раздѣльны, отрывочны, и если оставить дѣло на произволъ судьбы, то оно едвали пойдетъ съ надлежащимъ успѣхомъ и едвали получитъ должное направленіе. А дѣло такъ важно, что ожидаетъ не содѣйствія судьбы, а живой дѣятельности людей. И кому же взяться за него, какъ не Русскому Археологическому Обществу по Отдѣленію классической археоло-

32-B6460

гіи? Труды Общества по отдѣленію Русской и Славянской археологіи доселѣ были посвящены исключительно русскимъ памятникамъ; по отдѣленію восточной археологіи разработываются мусульманскіе источники съ очевидною пользою для русскихъ древностей. Совмѣстное съ этими работами изслѣдованіе византійскихъ древностей составляетъ потребность времени. Еще покойный П. С. Савельевъ обращалъ вниманіе членовъ Общества на важность византійскихъ памятниковъ для изученія русскихъ древностей, признавая полезнымъ, кромѣ трудовъ отечественныхъ ученыхъ, помѣщать въ Запискахъ Общества и обозрѣніе подобныхъ трудовъ иностранныхъ ученыхъ; но предложеніе Савельева — издать въ Запискахъ обозрѣніе или подробное извлеченіе изъ великолѣпнаго изданія Зальценберга: Alt-Christliche Baudenkmale Constantinopel vom V bis XII Jahrhundert *), доселѣ не приведено въ исполненіе. Теперь, когда Отдѣленіе классической археологіи выступило на поприще дѣятельности, предположеніе Савельева могло бы быть осуществлено въ болѣе опредѣлительныхъ очертаніяхъ. Сколько бы наука выиграла отъ продолженія остановившихся теперь изысканій о монетахъ Владиміра и Ярослава, изысканій, начатыхъ съ такою силою и съ такимъ направленіемъ! А прекрасное изслѣдованіе г. Филимонова объ иконостасахъ не возлагаетъ ли на русскихъ археологовъ прямой обязанности озаботиться изслѣдованіемъ византійской церковной архитектуры, пока еще не ушла возможность опредѣлить характеръ русскихъ памятниковъ, съ обветшаніемъ которыхъ изчезаютъ самыя драгоцѣнныя черты мастерства въ древней Руси? Что касается западныхъ древностей, то онѣ представ-

*) Извѣстія Общества, т. I, стр. 34.

ляютъ почти разработанный матеріалъ, такъ что при сужденіяхъ о нихъ, по отношенію къ русскимъ древностямъ, намъ остается пользоваться добытыми на Западѣ результатами; но легко быть можетъ, что ближайшее ознакомленіе съ византійскими памятниками укажетъ невѣрности въ западныхъ воззрѣніяхъ, и что недодѣланное западными археологами пополнится трудами русскихъ археологовъ.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. В. О. 9 л. № 12.)